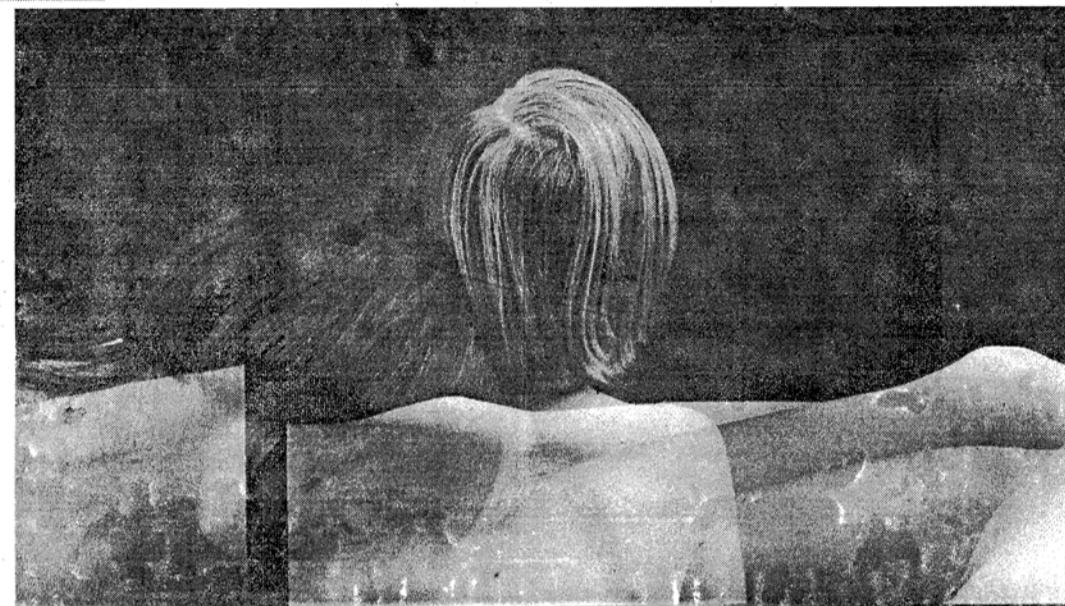

1996 №3

С.Осьмачкина. Из цикла "Материя". Композиция № 28, 1994.

АЛЕКСАНДР УЛАНОВ

Текст как одно из (только одно из) средств более интересной жизни, вот и все.

О тексте как средстве взгляда - вот о чём надо говорить. Но надо же занять позицию - если о ней говорят авторы от Седаковой до Пригова - ну хорошо, займем позицию.

Почему демистификация авторства - то есть естественное сомнение в том, что мне, пишущему, диктует текст непосредственно Господь Бог (муза, архаты из Шамбалы и т.д., соль и перец по вкусу) - должна неизбежно приводить к снижению, пониманию текста лишь как средства выплеснуть собственные комплексы или что-то там сотворить с публикой? Разве созданный текст не является новостью для автора как читателя того, что вот сейчас впервые возникло под его руками? Разве мало отвечать за текст самому - не стремясь переложить ответственность на вышеупомянутые инстанции?

Автор как private - просто пишущий человек. Выяснить, поэт он или не поэт - не его дело.

Это свобода от придания себе слишком большой значительности. От разговоров о своем творчестве, творческой жизни, творческих планах. От превращения в поп-звезду.

Это свобода от профессиональных заболеваний литератора - пьянства и тщеславия.

Это свобода от кошмара, что ты кому-то что-то должен - и от иллюзии, что тебе что-то должны за расстановку слов.

Это свобода смотреть на огромный мир. Людям почему-то кажется, что именно их жизнь именно сейчас - это и есть самое интересное... и им хочется, чтобы им рассказывали о них самих - и, по возможности, привычнее. Между тем, жизнь не нами начлась, не нами закончится и не сводится к нам - ею обладают не только огонь или море, но и камень. Private - свобода не быть зеркалом. Свобода говорить с критиком, тополем, глиной. Жизнь широко открытых глаз.

Это свобода от "литературного процесса". От хождения по редакциям и литературным агентам ("publication is an auction"). От похвал тому, что хвалить не очень хочется, и от поддержания хороших отношений с теми, кому совершенно нечего сказать. От очередной моды. От крысиных гонок. Private - рядовой - оставляет генеральство другим. (Об этом и говорить-то как-то неудобно). (Выяснилось, что литераторы-постмодернисты и профессора-деконструктивисты способны образовывать establishment так же, как любые другие - и, значит, дело здесь все-таки не только в языке, но и в личной позиции).

Private - единение и тайна. Автор не будет надоедать читателю выражением собственной персоны. Этим он еще и убережет читающего от отождествления с ней - а себя от угрозы оказаться во главе толпы - пусть даже и толпы одиночеств. Рядом с автором окажется лишь со-смотрящий - таких много не бывает.

Автор как private - не находясь на службе чему-либо - как вообще любой человек - отвечает за происходящее вокруг него. Он занимает какую-то позицию среди людей. Он может пользоваться словами - как любой человек, старающийся объяснить другому, почему что-то лучше, а что-то хуже. Но он понимает свою частность - и согласен уважать другую частную позицию - и сдава ли станет кого-то учить - и, тем более, обманывать других, утверждая, что проповедь есть литература. Хватит с него, если ему удастся просто быть человеком - а то, что он еще и автор, не накладывает новых обязанностей и не дает дополнительных прав.

ДЕНЕ «ЦИРКАДАМ»

Это попытка сохранить богатство разнообразия, не забываясь в угол литературы. Лучше отправиться на море к дельфинам, чем на ужин с литераторами. "Я поэт, этим и интересен" - фраза добровольного каторжника. Private стремится сохранить как можно больше от растворения в знаковой системе.

Private - место, откуда возможность создания текста не выбираема ни атомной бомбой, ни даже ТВ и РС. Как может быть отдано то, что дает само - и за что ничего не дают? Автор как private будет существовать всегда. Автор для читателя - пока спрос рождает предложение.

Ограничений позиции не так много. Необходима некоторая разомкнутость в мире, возможность столкновения с миром автора и текстом - человек себе плохой судья и легко может пропустить момент, когда гири в руках станут картонными, диалог с языком превратится в беседу с самим собой. Необходимо также родовое поместье, или вклад в банке, или богатый покровитель - но сейчас, кажется, может хватить и головы с двумя руками, ведь 16-часовой рабочий день в Европе вроде бы отошел в прошлое.

Остается обязанность любого автора вообще - раз уж он покинул почетную иуважаемую позицию читателя - покидать любую форму, как только обнаруживается ее застывание, как только она позволяет видеть лишь все то же самое. Постоянное пробивание потолков Вавилонской башни - тех следующих, что в данный момент над головой.

Необходима также некоторая психологическая устойчивость: способность не поддаваться синдрому шагания в ногу (может быть, это и есть авангардизм?).

Private - не лекарство от всех болезней. Ни Данте, ни Шекспир как private невозможны. Но возможны ли рыцари - или хотя бы кавалерия - перед пулеметами позиционной войны? А если окоп склонен обваливаться и хоронить заживо в нем укрывшегося - так на то он и окоп.

Можно, конечно, сослаться - например, на Пушкина: "Зачем же пишете? - Я? для себя". Но private отвечает за себя сам.

Речь идет о попытке сохранения индивидуального взгляда в условиях давления массовой культуры, о самостроении при угрозе потери самоидентичности, об отказе превращаться в репродуктор банальности, даже если это благочестивые банальности. Private - privateer - почти что разбойник в море массовой культуры - и догадывается, что, скорее всего, плохо кончит. Но эта безжалостная безнадежность легка и достаточно интересна, чтобы считать ее счастьем.

ТЕКСТ КАК ЖЕСТ

Лучший изатель - читатель.

Публикация - жест читателя. Поделиться.

С автором - сложнее.

Автор, неколебимо уверенный, что сообщает что-то другим - этой своей уверенностью начисто выводит себя из разговора - неуважением к собеседнику. Автор, думающий о том, как бы рассказать другим что-нибудь интересное и занимательное, пусть идет на эстраду или в редакцию литературного журнала. Автор, желающий своим текстом кого-то научить, пусть идет к черту.

Но если автор не стремится ничего никому сообщить и получает свою основную награду, создавая текст и двигаясь в созданном им поле смыслов - оснований для выпуска книги у автора все равно более чем достаточно.

Каждый текст реализуется в рамках определенного способа взгляда, образа мыслей автора. Этот способ взгляда сложен и неописуем никак иначе. Каждый отдельный текст дает о нем ограниченное представление - проекцию на плоскость (поэтому читающий ждет от автора не удачной строки, не удачного текста, а интересной группы текстов - образующей мир - реализующей возможную точку зрения).

Но автор может содержать в себе - или стремиться прожить - несколько жизней. Прежний способ взгляда кажется ему не то чтобы неправильным, а надоевшим - сколько ж можно! Возможность издания книги приходит на помощь. Собрать написанное, оценить на спокойную голову, расположить - создать мир, убедиться в его существовании - и отойти в сторону, пусть живет дальше сам. Это - не я. То, чем я, может быть, и был, но чем быть уже не хочу. Типографский набор, переплет и т.д. - страхи от попыток вернуться - что-то убить, прибавить, изменить - от попыток краба залезть в старый панцирь.

Существующее для одного - нереально, как - сон. Реальность действует на многих. Вышедшая книга открыта многим. Она разворачивается в мир, она пытается быть. Речь идет не о том, примут ее или не примут, она не обязана быть принятой. Речь о том, как пройдет столкновение. Автор может услышать такие комплименты... и от таких людей... что (убедившись, что ему это не приходило раньше в голову, но, к сожалению, похоже на правду) постараётся сделать попытку несостоявшейся... и уйдет... подумать подольше... - А по тону молчания можно понять, что все хорошо, книга живет (если автор не научился определять тон молчания - пусть идет в союз писателей). Хотя книга - уже не автор, в течение некоторого короткого промежутка времени она - еще автор, и почему бы автору не воспользоваться таким средством развертывания себя в мир - единственной возможностью проверить, что - есть, и насколько - есть.

Изданная книга - неплохая визитная карточка. Где-то есть человек, которого автор хотел бы видеть. Представленная книга не называет себя, она может быть отложена в любой момент. Если после ее прочтения у того, кому она была направлена, все же сложилось ощущение, что автор может что-то сказать ему - или хотя бы заслуживает слова и помощи - диалог возможен. Если нет - у автора остается все же то преимущество, что он не слишком помешал.

Очевидно, есть и другие варианты использования автором собственной книги. Но за их перечислением не забудем о главном:

Вставшая на полку книга дает автору великолепную и неоцененную возможность, наконец, стать спокойным и свободным читателем самого себя. Уходить в текст спокойным наблюдателем, подключаться к его самостоятельному бытию, ценить это бытие, его свободную волю, избегая соблазна подталкиванием стрелки, заменой слова привести его к более желательному для себя виду. Или - сделать вывод, что идти здесь негде, смотреть не на что - и спокойно отложить книгу.